

Андрей Доброходов

Реминисценции о Павке
Корчагине

18+

Андрей Доброходов Реминисценции о Павке Корчагине

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65972113

SelfPub; 2021

Аннотация

Можно ли прыгнуть из жизненного муравейника в хрустальный дворец? В чём правильный путь, дорога и смысл жизни? Спасут ли нас нажопники? Актуально ли отдать рубашку ближнему? Для тех, кто любит читать и думать.

Андрей Доброходов

Реминисценции о Павке Корчагине

Этап 1. «Говорят ему все: да будет распят»

Это случилось в городе N.N.

Сторож автостоянки Опаськин, зайдя после смены в супермаркет «Пятерочка», расположенный недалеко от городского старого кладбища, купил себе традиционной дешевой водочки с растительно-пальмовым сырком «Дружба». Владимир любил бродить и размышлять о модусе своего бытия после работы по городу, с сырком и мерзавчиком в кармане, в улиссовском стиле шатающегося по Дублину Блума.

В этот же раз Опаськин почувствовал себя усталым, совсем по метерлинковскому стихотворению – моя душа больна весь день – и, предвкушая радость, согласно еврипидовскому выражению – без вина какая уж любовь, какая радость – собрался отметить наступление вечера согревающим глотком лекарственной для мятущейся души спиртовой жидкости, усевшись на деревянной лавочке, сконструированной каким – то добрым человеком, недалеко от входа на кладбище.

Однако спокойно это ему совершить не удалось. Чья – то, ахматовски восковая сухая, не иначе пытающаяся при-

цепиться на хвост, рука постучала его по плечу и кто – то за плечом хрипло произнес: «Землячок, огоньку не найдется?».

Опаськин искренне не любил отвлекающих от сути дела моментов.

В наше время торжествующего эгоцентризма и подавленного уныния повседневного озабочения, основываясь на картезиевом опыте универсального сомнения и ясперсовском ужасе бросания себя на самое свое бытие виновным; свободы возлияния усталого человеческого тела и истинной свободы от всего духа; выпуска души из темницы плоти и ясного понимания, что субстанция человека есть экзистенция – наглое вторжение чужака в его интимнейшие фибры бытия и хрупкий внутренний мир, находящийся в радостном состоянии алкогольного взалкания, пришлось Опаськину совершенно не по душе.

–Нет, милейший сударь, закурить не даю и не наливаю, – выразил свою позицию, обернувшись, Опаськин и осекся.

Картина, представившаяся его глазам, была страшна и полностью отражала всю жуть присутствия в этом мире. Длинноволосый и страшный как Кетцалькоатль-Кукулькан, владелец хриплого голоса обладал землистым лицом узника концлагерей, худющими высохшими руками- спичками с длинными, частично обломанными и черными от земли ногтями, при всем при этом светлыми, пылающими неземным

светом, бьющим на тысячи километров, очами. Ну, просто – картина чистого сатанизма для интеллигенции...

– Глаза мои встречают тень, – снова вспомнилось Владимиру из Метерлинка.

– Ты кто, мужик? – внезапно заикаясь, спросил незнакомца Опаськин, нарушив, однако, заповедь того же Еврипида, что мудрый должен быть всегда спокоен.

– Я – Павел Корчагин.

– Это какой такой Корчагин?

– Ты в школу ходил, товарищ, не знаю как там тебя по ба-
тюшке. «Как закалялась сталь» – читал?

– Аа, как же иначе, тот самый Павка Корчагин, чьи зна-
менитые дырявые сапоги, которые выше Шекспира, вслед
за тапками Обломова, заслонили собой всю революционную
Россию. Ну-ну. В школу, эээ, ходил, правда, давно уж это
было. А зовут меня Владимир Ильич.

– Эй, ты не шути так, товарищ! Ленин- это для нас святое.
Не погань имя вождя всеу.

– Да чего мне поганить-то. Опаськин я – Владимир Ильич.
Вовсе не вождь и не собирался им никогда быть. Папа у ме-
ня Илья, мама Надежда, вот и назвали с надеждой Володей.
Правильное оказалось имя. Если бы батя тоже был Вовкой –
то вообще красивое было бы сочетание – Владимир Влади-
мирович, эх!

Опаськин мечтательно взглянул в небо и вздохнул.

Свое гордое имя – Владимир – Опаськину нравилось. Оно прекрасно сочеталось и с другими отчествами – например, Вольфович. А вот с фамилией, он считал, ему не повезло.

Насчет имен, отчеств, фамилий и их сочетаний Опаськин часто думал и анализировал их с помощью нехитрого, изобретённого им, метода ФИ-анализа. За отправную точку он брал, к примеру, сочетание- Владимир Ильич Ленин – архитектор революции. И тогда у него получалось по заглавным буквам красивая фамилия – ВИЛАР.

Лучше бы, считал про себя Владимир, – его звали бы не Опаськин, а красиво, так загадочно и с некоторым швейцарским прононсом – Херр Владимир фон Вилар, эх! Слетал бы в Лугано, потом рванул бы через Сен – Готардский перевал, как Суворов, в Цуг и Женеву!! Национального швейцарского деликатеса – картошки с мясом бы поел, ножик бы швейцарский с часами купил, стал бы директором парка «Швейцария» в Нижнем, швейцарский бы ресторан в парке – «Фондю Вилар» с Андреем Деллосом на паях бы открыл!!! Ну и что, что некоторые бы невежды путали его фамилию с всероссийским научно-исследовательским институтом лекарственных и ароматических растений – ВИЛАР. В конце – концов, мог бы и ароматические растения в парке разводить – вон в США разрешили же лекарственную марихуану – теперь бизнесмены из России Борис Йордан и Андрей Блох деньги лопатой гребут. Неплохо бы звучала троица учреди-

телей по – новому: Йордан – Блох – Вилар. С точки зрения антисанкций вообще бы прокатило – вроде все не русские, а бабки в Россию. И компанию можно было бы назвать – не «Куралиф», а более мстительно «Курамнасмех» – то есть отомстить за куриные окорочка. «В ответ на ваши ножки Буша, а неуютно ль анаши покушать».

С другой стороны, всё равно – всё что у нас не делаешь, за что не возьмёшься – в итоге как – то курам на смех получается.

Не лучше в рамках ФИ-анализа получалось, увы, со страной. То же самое аналитическое сочетание – ФИО+Архитектор Революции – Опаськин пытался применить к первым, после падения в стране коммунизма, лицам. Выходило как то странно и плохо, например – с Горбачёвым – МИСЕРГАР или еще гораздо хуже и неприличней с Ельциным – ЕБНАР.

Опаськин теперь понимал, почему с аббревиатурой ЕБН с нашей страной, в отличие от коммунистического периода получалось плохо. В международном плане, однако, в этом сочетании букв был все же заложен какой – то, видимо, сакральный финансовый смысл, не случайно банковские счета компаний звались ИБАН. Зваться, однако, к примеру – Владимиром Ебнаром, ему не захотелось бы ни за какие деньги и ибаны. Тут ему вспомнились читаемые в детстве украдкой, как любим ребенком, разноцветные арабские сказки. Навер-

но, опять же, в силу сакральности, перед фамилиями героев добавлялась приставка ибн, что в принципе было сокращением ибана. Этот вариант звучал как-то благороднее и загадочнее чем В.И. Ебнар и, по арабским сказкам, он должен был бы зваться что – то типа Владимиром Остап Мария Сулейманом ибн Опаськиным.

Ильич знал, что из сочетаний букв давали и имена. Продолжая ту же тему – Владимир Ильич Ленин – ВладИЛен – Опаськин знал, что это приносит счастье и есть в нашей стране на удивление счастливые и удачливые Владиленовичи. Но вот дальше, при попытке продолжения, у него опять получалась какая – то чепуха. Например, ФИО сочетание Go... + Mikhail + Ser... у него приводило к нетолерантной, с точки зрения мировой демократии и неразрывно связанного с ней движения ЛГБТ, увы, фразе: гомик сер. Тут у него дальше по ассоциации получалось что-то просто горьковское, если кошек заменить на гомиков: «Ночью все гомики серы. Женщины все хороши». Гомики – думал Опаськин, – бывают всё же не только серые, но и белые, желтые, шоколадные, черные, узкоглазые, широконосые и бледнолицые, спидоносные и задоблещущие. Поэтому фраза – гомики серы, наверно, сакрально была связано с элементом шестой группы периодической системы Д.И. Менделеева – серой. Есть же люди дела, приверженцы веры, а это приверженцы, гомики серы. Здесь, не иначе был намек на чистую серу – сульфур, не иначе, порочную связь с сатаной. Как минимум – намёк на серосодер-

жащие фармпрепараты для лечения дурных болезней, возникающих по причине постыдного поведения гомиков. Да и органо-лептически намекалось на сероводород с его запахом тухлых яиц.

Ильичу почему – то смутно вспомнился икона нонконформизма Том Робинс и его образ дурацкого енота Тануки с большими яйцами. Хотя, с другой стороны, весь секрет Кашея Бессмертного заключался именно в яйце. Да и катание яиц на Пасху было проникнуто радостным разгадыванием эзотерического секрета – у кого яйца круче. Яйцо – как ни крути и не пытайся поставить его – основа жизни. Хрупкая основа хрупкой жизни. Не случайно песня Стинга о хрупкости жизни вызывала при слушании слёзы. Да и имя Стинг в переводе с английского означало острую боль. Весь секрет происхождения и боли в жизни связан с яйцами – как женских, так и мужских особей. Да и МТС не случайно выбрал логотип- белое яйцо в красном квадрате. Опять же, не случаен, видимо подбор цветов – красное и белое. Цвет революции и белой гвардии. Цвета сети винных магазинов красное-белое...

По поводу радужного цвета ЛГБТ Опаськин подумал, что если движения подбирают себе цвета, то должны подбирать и запахи. Взять того же тайного гомика Стинга или его дочь с нетрадиционными наклонностями – замени одну букву Г на букву К и слово стинк переводиться с английского уже как шумиха и вонь. Тогда получается прекрасная ЛГБТ картина

– шумная радуга сероводорода. А что, Чёрное море, к примеру, внизу всё сероводородное, а сверху – ласковое и пахнет арбузом. Всё что чёрное и внизу – сероводородное. Хотя, то, что плавает наверху, тоже, однако пахнет, и вовсе не арбузом, а дерьмом – то есть – индолем. Всё это лгбтэшное, однако, плохо пахло во всех смыслах, начиная с вульгарного нарушения библейских заповедей.

Переставление же слагаемых в Фи-анализе приводило у Владимира еще к худшему: – Miser, то есть, в переводе -мизер. Всё по мизеру. Или нищий, да еще горбатый. Или горбатиться всем до нищеты. Тьфу ты господи,– думал Ильич.

По поводу господа и связанного с этим категории божественного, у Опаськина, кстати, было своё, связанное с Горбачёвым, философски- герменевтическое объяснение пророческой книги Даниила из библии, а именно момента экзистенциального появления перед последним вавилонским царем, как на картине Рембранда «Пир Валтасара» зловещих непонятных огненных букв:

Мани – Факел – Фарес.

Решающим модусом для понимания этого валтасаровского дискурса, с философской точки зрения Опаськина, являлось обязательное трансцендентное условие не выйти из модуса круга, а главным образом войти в него и понять временность времени, исходя из будущего.

В легенде же прислали на помощь ошеломлённому Вальтасару переводчика и тот перевёл:

—Могучий измерил дни твоего царства и назначил ему конец. Ты взвешен на весах и найден лёгким, поэтому царство твоё распадется и будет отдано персам и мидийцам.

Ильич же, аподиктически глядя на эту последовательность, хлопнул себя в озарении по лбу:

— Мани – Факел- Форос,— имплицитно фундировал по Хайдеггеру Владимир,

— то есть денег (Мани) не стало – потому, что упали цены на нефть (Факел), а закончилось все Форосом (Фарес) – ГКЧП и путчем. То есть, в переводе на современность, как цены на нефть падают – жди полный Форос.

Об этом же предупреждал еще в свое время Андрей Амальрик, задумавшись о будущем – сохранится ли СССР до 1984 года? А вот и не сохранился.

Категория Фороса имела полные корреляции с именем Сороса. Сорос, со своей стороны- то есть США и ЦРУ, приложил в свое время немалые усилия, чтобы предсказание Амальрика успешно сбылось.

Да, Амальрика и Библию читать надо – тогда многое становится отчетливо ясным. Хотя, по свидетельству итальянского семиолога и писателя Умберто Эко, мало кто из живущих, включая даже самого Эко, мог похвастаться, что прочитал Библию от корки до корки. Ильич же, совершенно

заслуженно, мог. Теперь, прикоснувшись, честно говоря, с некоторым усилием, к Сокровенному, он мог довольствоваться, в принципе, одной коркой в день. Тем более что новое государство приложило все усилия для перевода подобных Опаськину на подкорковый нищесбродный режим.

Всё теперь было понятно для Опаськина – Горбачёв был легковесен, в нём явно наблюдались временность усматривающего озабочения и явные черты падения по тому же Хайдеггеру, а именно: – соблазн; успокоенность; отчуждение и самозапутывание – и поэтому, абсолютно логично его сменил северный перс – ЕБН. А дальше – дело техники – правильно, вон Саша Хинштейн написал в своей книге «Ельцин. Кремль» – как эти два придурка развалили Союз- то есть царство распалось. Николай Иванович Рыжков, очень уважаемый, кстати, Владимиром и в сто крат более достойный быть президентом, чем ЕБН, в своей книге «Главный свидетель» тоже считал Ельцина предателем и сволочью. Преступление, за которое ЕБН так и не ответил – расстрел Верховного Совета в 1993 году, как описывал кремлевские нравы Дмитрий Шевченко, был обусловлен простой пьяной дракой в бане по принципу – у кого тестикулы круче- между Ельциным и Хасбулатовым. Загадка оставалась в точной идентификации современных мидийцев – возможно, как предположил Владимир – китайцев. Но Опаськин решил предоставить полное разрешение этой загадки будущему и истории.

Продолжая ФИ-аналитический эксперимент с Борисом, хотя само по себе ему это имя не нравилось,— Ильич даже вспомнил по этому поводу детскую дразнилку: «Борис-Бар-барис. Председатель жирных крыс!». Опаськин считал, что люди с таким именем склонны к крысятничеству и всегда приводили к распаду государств и союзов — начиная с Бориса Годунова, продолжая Ельциным или взяв самого последнего — разрушителя Евросоюза — Бориса Джонсона. Блумберг, кстати, был согласен с мнением Владимира — вот даже статья появилась «Борис и Ковид могут быть концом объединённого королевства».

Владимир, как и Блумберг, считал, что борисов ставить к руководству странами или ещё чего-нибудь ни в коем случае нельзя, что, в общем — то, подтверждалось, на его взгляд, историей. Ильич вообще не понимал эту ситуацию: почему ЕБН, но, видимо, заграница помогла, всплыл в высшие слои гов...(ермент); как мог алкоголик править страной; в каких безумно-алкогольных мирах принимались его болезненные решения; как вообще могло случиться такое колоссальное предательство всего многострадального союзного народа и почему никто не понёс за это ответственности, а наоборот интересы отдельно взятой Семьи, только вот вслушаться в это надо — Семьи... — как будто мы в Сицилии, клятвенно защищались и ставились превыше всего. Опаськину, нравилась, конечно, Марлон Брандо и хриплый, как после трахеотомии, голос переводчика в фильме «Крестный отец», да и

сама книга Марио Пузо, в общем – то была своеобразным учебником, как правильно, по братски, защищать интересы нахавшей своё семьи.

Владимиру часто вспоминался также фильм «Покаяние», где гроб с телом негодяя выбросили с кладбища. Наплевали, конечно, а может зря, на мнение Оригена и его апокатастатис. Ну, да и ладно. Ильич, считал, что история, в итоге, конечно, всё правильно сама расставит по местам и всем историческим негодяям достанется от потомков по заслугам, но – как же был прав Некрасов: «жаль только – жить в эту пору прекрасную уж не придётся ни мне, не тебе».

Во всей этой истории жалко было только одного, что декларируемая на двадцать пятом съезде КПСС Л.И.Брежневым сложившаяся новая общность – советский народ – оказалась мифом, таким же как мифы Древней Греции или древнего Рима. Общности не получилось, вместо неё получился общак. Катализатором распада этой мифической общности оказалась предательская троица из Беловежской пущи. Видимо, «Песняры» были тоже прозорливцами и не зря они так надрывно распевали о вековой печали Беловежской пущи. При этом Владимиру пуще прежнего захотелось, хоть на минуту, ощутить себя частичкой этой любимой им общности – а проще – советским человеком и, достав из широких штанин красный и молоткастый, ну хотя бы молоток, найти поблизости колхозницу с серпом и немного постоять с ней, скрестив руки, ну хотя бы в ближайшей подворотне, а

поскольку секса, как известно, в Советском Союзе не было – то, по-советски скромно, без излишеств. Но возврата к прошлому не было, оно было отрезано от настоящего как серпом по сердцу или по – народному – по другим частям бойца.

ФИ-аналитическое складывание имени отчества фамилии с другого конца привело Опаськина к интересному результату – БорНикЕль.

Владимир даже вздрогнул и многое стало ему ясно в современной истории. Конечно, ну какой там Норникель – надо увековечить имя партийного отца российской демократии – правильное название – Борникель.

С таким отчеством – Борникелевич можно однозначно многое достичь, не забывая аракчеевского знаменитого: «Мы всё сделаем: от нас русских нужно требовать невозможного, чтобы достичь возможного». В самом гордом сочетании Бор + Никель уже было заложено сочетание ракетных, корабельных и космических технологий, опять же обосновывался респект и уважуха на далеком зарубежном Западе. Тут можно и назваться – Владимир Борникелевич Ебнарь. Или, на худой конец – Владимир Борникелевич Титанин. Здесь заложен великий философский и, между прочим, стратегический материальный смысл в том, что, обладая Бором и Никелем, мы держим в твердом кулаке и зависимости наших врагов. И песню «Эх, дубинушка ухнем», кстати, можно переделать в этом же смысле увековечивания, подразумевая под

дубинушкой ракеты «Сатана» или их гиперзвуковые модификации. Вместо первых трёх букв УХН нужно подставить три буквы ЕБН...Продолжить попробуйте сами... Получится, по мнению Владимира, очень даже по-русски – мощно, красиво, правда, слегка в стиле группы Ленинград, не совсем прилично.

Но до приличий ли в современной отчаянной жизни?

Американские санкции и всякие мелкие иные спекуляции на эту тему, по – мнению Ильича, можно было прекратить мгновенно, просто перестав поставлять им наш титан, бор и никель. Заодно потребовать от них взад весь наш уран, предательски отданный ЕБНом, а заодно Аляску, предательски сданную в аренду Николашкой Вторым.

Без нашего Титана, Бора и Никеля америкосам придется несладко. Им не будет Пути и Дороги в будущее – мир технологий 4,0. и связи 5G. На одном интернете – без железа, далеко не уедешь.

По поводу модуса Пути, – призрачного Пути, – как сказал в своей «Философии свободы» Николай Бердяев, – к полноте, свободе и блаженству, – Опаськин, начитавшись Керуака и его знаменитого, написанного в потоке сознания на рулончике туалетной бумаги битниковского сочинения «На дороге», всегда с грустью раздумывал о четырех великих благородных буддистских истинах: Истине о страдании, Истине о

причинах страдания, Истине о выходе из страдания и Истине о Пути.

Получалось, что Великий Будда в своей знаменитой Бена-ресской проповеди рассуждал точно так же как Достоевский – главным и всё обуславливающим было человеческое страдание и его связь с общим смыслом жизни.

В итоге выходила, с точки зрения Владимира, полная, философски фундированная, кошмарная жизненная безнадёга – без страданий Пути не будет ни для кого!

Хотя, тот же, очень уважаемый Опаськиным Бердяев, достаточно ясно обосновал свою позицию по этому вопросу: «Земной дух человечества, пошедшего по пути змия, загни-нотизировал человека заманчивой идеей прогресса и грядущего в конце прогресса земного рая, и так обольщён был человек, что не заметил безумия своего служения прогрессу и своего подчинения счастливым грядущего рая. Прогресс цветёт на кладбище, и вся культура совершенствующегося человечества отравлена трупным ядом. Все цветы жизни – кладбищенские цветы. В природном порядке, в жизни человеческого рода все подчинено закону тления. Каждое поколение съедается поколением последующим, уваживает своими трупами почву для цветения молодой жизни, каждое лицо превращается в средство для новых человеческих лиц, которых ждет та же участь; каждое лицо рождает будущее и умирает в акте рождения. Распадается в плохой бесконечности. Вся человеческая энергия направлена вовне, на созда-

ние несовершенной, дурной множественности, на поддержание прогресса, закрепляющего закон тления, а не внутрь, не вглубь вечности, не на победу над смертью и завоевание всеобщей, полной и вечной жизни. И живёт человеческий род, весь отравленный этим трупным ядом своих предшественников, всех предыдущих поколений, всех человеческих лиц, так же жаждавших полноты жизни и совершенства; Живёт человек безумной мечтой победить смерть рождением, а не вечной жизнью, победить ужас прошлого и настоящего счастьем будущего, для которого не сохранится ни один живой элемент прошлого. Ни один из боровшихся и страдавших не войдет в рай будущего, и нет с этим будущим живой реальной связи ни у одного человека. Связь человека с будущим человечеством в порядке смертной природы – фиктивна, иллюзорна, связь эта есть результат гипноза, безумного самообмана».

Анализирую это бердяевское философски-свободное, оптимистичное и предельно краткое суждение по поводу призрачности, то есть практической невозможности пути, Ильич понимал, что в целом жизнь отдельного человека развивается по стохастическому марковскому процессу. Очень многое зависело от случайностей. Была ли какая – либо закономерность в нелепом и многофакторном наборе этих случайностей, определяющих в конечном итоге жизнь конкретного человека. Этого Владимир не знал, но знал, что в целом жизнь волатильна и нелинейна. Может, всё – таки, и прав

был Пифагор, что началом всех вещей является число. Пересекаются ли все- же параллельные жизненные прямые? Или богу – богово, а кесарю кесарево пожизненно или в переводе на приземлённый общечеловеческий язык: кому – то ананасы и рябчики пожизненно, а кому – то горький хлеб и сутулая спина, и тоже пожизненно. И прямые ли вообще жизненные пути? Как быть с критерием кривизны, американскими горками, лентой Мёбиуса и трехмерной спиральной моделью ДНК. Конечно, для более точного анализа, надо было бы более подробно обдумать значение биномиальной корреляции при условии равенства показателя корреляции волатильности, основанного на использовании гауссовых пакетов.

Степень же волатильности зависела от поведения индивидуума, от соотношения разумности, воли и стремления к неожиданным прыжкам и поворотам. Но вот куда именно и как идти, Ильич, как и окружающая народная масса, учитывая сатанинскую улыбку корреляции и саркастическую улыбку волатильности, до сих пор не знал. Видимо, надо было разработать какую-то систему индикаторов, стоп-лоссов, учитывая фрактальное построение и неламинарность жизненного процесса, отсюда вытекала невозможность применения критерия Пуазейля, банального волнового уравнения Шредингера, не говоря уж о потенциале Леннарда-Джонса 6-12 или плоскости Пирсона. Метафизика без диалектики была абсурдна.

В итоге всё вышло у Ильича совсем, как в «Божественной комедии» – «земную жизнь пройдя до половины, Я очутился в сумрачном лесу, Утратив правый путь во тьме долины»... А левым, революционно-коммунистическим путем, к сожалению, и не получилось. Это Опаськин прочувствовал, как и весь скромно молчаливый народ, всей своей, увы, простой, как в детском мультфильме у слона Хортона, жизнью.

Весь единый, порой фанатичный, трудовой порыв древнего советского народа оказался бессмысленным и неостребованным до безобразия. Ведь были же огромные достижения. Вот даже великий Маркес был просто поражен и озадачен в своё время, написав «22 400 000 квадратных километров без единой рекламы кока-колы». Представляете – такая огромная страна – и нигде, нигде не бутылочки кока-колы, на худой конец – лимонад Дюшес по 30 копеек за бутылку. Куда же это всё делось?

Получается – правильно писал Ремизов, вторя вслед за Достоевским, в своем «Пруде», что жизнь, безусловно, трагична.

–Трагедия в том, что без пруда, как известно, не вытащишь рыбку. А пруд есть не у каждого, – размышлял Ильич. – А у некоторых бассейны как пруды, но, вот чертовщина, там нет рыбок! А если и поймаешь в конце жизни золотую рыбку- то она может оказаться и пираньей, а хуже того – вообще

крокодилом!

Для Опаськина по всей своей жизни стало понятно, что миром правит антихрист-князь тьмы. Поэтому путь живущих человеческих червячков представлялся ему четырнадцатиступенчатым путём на Голгофу, путём страданий с остановками, поколачиванием и распятием наиболее добрых и отзывчивых на крестах жизненных этапов. И в этом жизненном восхождении на свою собственную для каждого Голгофу, надо проявить себя в высшей степени достойно, хотя бы по тому же Бердяеву, писавшему: «Достоинство человека измеряется не пассивным страданием, не исканием ударов судьбы, а активной и творческой победой над корнем страдания, над злом жизни».

То есть не надо пассивно болтаться на кресте страдания, а надо стараться активно, как Христос, обмануть стражников, пролить на них немыслимую сладость, организовать землетрясение или громко и страшно завопить и, воспользовавшись их замешательством, скрыться в пещере, найти убежище. Опаськин вспомнил речь Брежнева на семнадцатом съезде комсомола: «Человек должен занимать активную жизненную позицию».

К сожалению, позиция многих поневоле была похожа на не совсем эстетичную позицию ракообразных. Сама жизнь и имманентное зло жизни ставили их в эту пассивную, обожаемую ЛГБТ, позицию. Убежище от корня зла найти было проблематично.

– Вырвать бы к чёрту весь этот корень,– мечтал Владимир, – может и жизнь бы была тогда не такой корявой. Корнем же было, как ни крути, банальное отсутствие денег.

– Жизнь-корябеда, турецкий барабан, кто на нём играет – противный таракан, – наваяло Ильичу из детства. Тараканом Опаськину быть не хотелось. Хотя модус таракана был жизненно понятен Ильичу. Семиологически слово состояло из двух частей – тара и кан, в переводе с английского – банка. То есть быть тараканом в переводе на бытовуху означало шариться по помойкам в поисках алюминиевых банок. Этим занимались многие.

Жизнь напоминала Опаськину «Картинки с выставки» – Мусоргского, особенно четвертую картинку с красноречивым названием «Быдло». Только здесь в роли быдла был не скот, а человеческое стадо, нутужно тянувшее за собой тяжёлую телегу жизни. Стадо паслось по кривым тропинкам «Райских пастбищ» Стейнбека, только тропинки были безысходные. «Жизнь человека обычно движется по кривой. Честолюбивый подъем, округлая вершина зрелости, пологий спуск утраченных иллюзий и, наконец, плоская равнина ожидания смерти». Плоская равнина ожидания смерти и была, очевидно, плоскостью Пирсона.

– Неплохо бы, конечно, более глубоко всё это обдумать, особенно насчёт утраченных иллюзий,– представил себе Ильич,– декадентски наливая себе в хрустальный стакан, как Харуки Мураками – не перепутать с грубияном Рю Мурака-

ми, на два пальца виски, и, внимательно рассматривая, болтая в стакане, а затем с наслаждением нюхая и прихлебывая болотного вкуса односолодовую жидкость и потирая, начавшие сесть виски, сконцентрироваться на удивительном созвучии темы виски и страдания. Мало виски- сегодня страдание, много виски- завтра страдание. Но горе жизни заключалось в вульгарном отсутствии присутствия виски и хрустального стакана. Поэтому куртуазно-философское распитие виски, отложилось в плоскость равнины ожидания как хрустальная мечта на будущее,— если оно будет вообще, — подумал Опаськин,— это счастливое будущее.

Владимир вспомнил также философского идеолога белого движения Ильина, согласно учению которого, «именно в страданиях, особенно посылаемых человеку, в мудрой мере душа углубляется, крепнет и прозревает, и именно в удовольствиях, особенно при несоблюдении в них мудрой мере (здесь Ильин начитался, видимо о пути и силе Лао Цзы: «В общем – быть умеренным, не стремиться к избытку, находиться в пустоте») душа предается злым страстям и слепнет. Поэтому жизненная мудрость состоит не в бегстве от страдания как от мнимого зла, а вприятии его как дара и залога, в использовании его и окрылении через него».

Особенно важно при этом, по Лао Цзы, было находиться в пустоте. Пустота, диетически однозначно, ассоциировалась с пустым желудком. Именно поэтому, после революции, зна-

менитый поэт Давид Бурлюк открыто призывал «Будем лопать пустоту». Мог открыть бы, кстати, курсы для похудания жиряг и дико разбогатеть. Пустой же желудок вызывал бурление, в том числе и чувств, побуждая к активности. Медиативное мышление Опаськина выстроило ассоциативный ряд: Бурлюк- Бурление-Пустота.

Не случайно же великий Пелевин назвал свой труд «Чапаев и Пустота»— то есть революция- очищение до пустоты – далее к новым высотам. Хотя, если бы поразмыслить, то, очевидно Пелевин хотел бы назвать свой креатив «Чапаев и Будда», но постеснялся. Будда как раз являлся кармическим воплощением модуса пустоты. Впадение в нирвану и было впадением в пустоту. Владимир неоднократно пытался модернизировать дискурс пустоты доступными средствами и этанольно усиливая процесс , стараясь впасть в нирвану – то есть в пустоту – ничего не видя и не слыша и ни на что не реагируя до следующего утра. Это приводило Опаськина, однако, не к пустоте, а к опустошённости и незамедлительному желанию догнаться в ближайшем магазине.

Настоящую же пустоту демонстрировал его карман, что и вовсе обескураживало Владимира. Опаськин пытался вновь обратиться к Лао, куражась, мурлыкая песню «В карманах голяк, я опять на мели», по – доброму желая энергии Дэ и всего самого светлого ментально неизвестному, по причине своего вчерашнего вечернего бессознательного состояния, исключительно благородному полицейскому сержанту, бес-

корыстно или всё же корыстолюбиво, а хрен его знает, очистившему до кармического голяка карманы и приведшему Ильича вчера, не иначе по правильному пути Дао, домой.

Но какой же может быть кураж с пустым кошельком?

Морщась и глотая чай, Ильич пришёл к выводу, что, по – видимому, искреннее народное пожелание «Чтобы тебе пусто было» на самом деле отражало доброе и мудрое пожелание умеренности и благоразумия. Отсюда же, видимо, шло доминошное, при забивания козла, выражение «Пусто- пусто». Отсюда же латинское «табула раса» Не иначе латинцы позаимствовали у Лао. Но Лао всё же был китайцем. А не все китайское, подумал, Ильич, означает – качественное. Поэтому, в целом, даосизм в России не прокатывал. Качество, тем более уровень жизни простого, в отличие от олигархов, народа оставляли желать лучшего. Впрочем, само рассуждение о качестве и уровне народной жизни, на уровне Опаськина, было попусту и являлось пустым времяпрепровождением.

Ну что всё время думать о пустом?

Поэтому Ильич задумался об олигархах.

Что касается олигархов, то судя по Ильину, все несуществующие, по – мнению, как выяснилось недавно, некоторых из пресс-секретарей, в нашей стране олигархи должны были злострасно ослепнуть. Может поэтому господин пресс секретарь и объявил их протекшими как сквозь песок времени и несуществующими. Но что взять со слепого и больного олигарха – ну разве сурово повесить ему НДФЛ на два процента

– пусть мучается, гад, также как простой народ.

Даже неустанно борющаяся за права народа церковь одобрила этот шаг, уравнивающий олигархов с народом. Блаженны нищие духом! Владимир понял теперь до конца это выражение. Правильно Серёга Минаев написал про духлесс. Чем меньше духа – тем богаче и ближе к блаженству. Вот она – правда жизни. Вот она – гармония и единство НДФЛа. Вся сила – в правде! Народ, Россия и олигархи едины! Правильно отметил еще Ключевский- государство пухло, народ хирел.

Пока же, что касается уровня лично Ильича, страдания не прекращались. Опаськин продолжал пытаться достичь сиюминутного блаженства, прикладываясь, исключительно по рекомендациям синей книги алкоголика седьмого уровня Коровина, к стаканчику, напевая себе под нос, – синий, синий, синий, лег на провода, в небе тёмно-синем, синие (окрыляясь по Ильину, не перепутать с рылом) крыла»... Синее рыло в небе – было как то уж совсем кощунственно.

– А под крылом ...о чём – то поёт, – замурлыкал Ильич, – зеленое (змий искуитель то зелёный) море тоски.

Сочетание синего и зеленого цветов, особенно зелень, нравилось Опаськину. Но крылья были какие – то хилые и невидимые. Карлсона с моторчиком – мужчины в полном расцвете сил с карманами, набитыми зеленью – из Владимира как то не получилось. Фрекен Бок тоже под боком не было. То есть первый из четырех жизненных путей по Льву Тол-

стому – через женщину, не получился. Три остальных жизненных пути согласно Исповеди Толстого – гедониста, самоубийство, через веру – Владимир как-то не воспринимал вообще. То есть, надо было идти бы по идее прямо по дороге, но почему-то прямое словосочетание путь и дорога приводила к странному, с восторгом понимаемому на западе, но плохому для нас – россиян понятию ПИДОР. По этому поводу даже КПРФ с Коммунистами России недавно в Ульяновске поцапались. Зюганов, по мнению ульяновцев оказался гомофобом. По их, видимо, мнению, совсем не случайно, Зюганов повестил у себя за спиной портрет не Маркса или Ленина, а Пушкина, опираясь на пушкинское: «кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей.» Ну и что, по- пушкински подумал Опаськин, морща лоб.; « о чём шутите Вы, народные витии...Оставьте этот спор славян между собой».

– Направо непонятно, налево – не получилось, прямо – пидорастично. Но почему, когда думаешь о хорошем и вечном снова и снова скатываешься к какому- то странному триединству: Пидор – Борникель – Ебнарь. А может это и есть словесная расшифровка зверского числа 666, а?

В атеистическом Советском Союзе, понимали, кстати, по – мнению Опаськина звериность числа из трёх шестёрок.. Но чтобы не скатиться, по меткому выражению Ленина, в болото фидеизма, произошла подмена и зверство трёх чи-

сел воплотили в портвейне 777. Сделано это было, как считал Ильич, с целью воспрепятствования у иногда еще думающих приверженцев этого народного напитка тяги к библии, а именно к разделу об Апокалипсисе.

От этой мысли Опаськин даже задохнулся. Ему немедленно захотелось очутиться на далёком острове Патмос, в уединенной пещере Иоанна и там поразмыслить над апокалипсисом, может и написать свой, как у философа Розанова «Апокалипсис», порефлексировать о немыслимой сладости Христа и горькой участи остальных верующих в него бедолаг, наконец, пав в приступе религиозного фанатизма на колени, обратиться к богу подобно древнеегипетской книге мертвых: «Слава тебе, бог великий, владыка обоюдной правды. Я пришёл к тебе, господин мой. Ты привёл меня, чтобы созерцать твою красоту. Я знаю тебя, я знаю имя твоё, я знаю имена 42 богов, находящихся с тобой в чертоге обоюдной правды, которые живут, подстерегая злых и питаюсь их кровью в день отчёта перед лицом Благого. Вот я пришёл к тебе, владыка правды; я принёс правду, я отогнал ложь. Я не творил несправедливого относительно людей. Я не делал зла. Не делал того, что для богов мерзость. Я не убивал. Не уменьшал хлебов в храмах, не убавлял пищи богов, не исторгал заупокойных даров у покойников. Я не уменьшал меры зерна, не убавлял меры длины, не нарушал меры полей, не увеличивал весовых гирь, не подделывал стрелки весов. Я чист, я чист, я чист, я чист».

Последнее особенно было важно в условиях коронавируса. Надо было быть чистым и правильно мыть руки и лицо – не менее 50 секунд.

Да, чистота была необходима, но всё же в идеальном мире. Чистые руки, горячие сердца и при этом холодные головы были недостижимы. В реальном мире правильный путь полностью соответствовал трактату Торквато Аччети «Честное притворство» и его теории – теории обыденной жизни, а именно: благоразумной осторожности; хитрости; скрытности и притворства.

Размышления в рамках метода ФИ-анализа про границу приводили его к другим комбинациям:

Меркель Ангела – МЕРА;

Джонсон Борис – ДЖОБА – или просто, о ужас, ЖОПА;

Трамп Дональд – ТРАДОН или РАДОН.

То есть для Германии- все в меру, Англии светит полная, вери сорри, жопа-сэр, а вот Америке – страшно подумать – радиоактивный трындец с радоном.

Хотя, судя по – всему трындец для Америки уже начался. Низы как – то уже не захотели, а верхи – два дедушки Трамп и Байден – ударились между собой в предвыборную байду. Вашингтонский обком всё же подцепил, наконец – то, советскую болезнь Политбюро ЦК КПСС – «В бой идут одни старики».

– Не хрена было нас гнобить в девяностые, – порадовался

Опаськин. Всё это на фоне скандала с Хуавеем, соперничестве с Китаем и набирающим силу движением BLM, придающим ценность темнокожей жизни. Жизнь бледнолицых становилась бледной и больше мёдом не казалась. Жизнь желтолицых тоже пожелтела как засыхающая листва, а на границе со страной текилы и листьев коки, вообще соорудили стену, круче берлинской. С другой стороны, возможно, наличие радона в американской перспективе объяснялось радиоактивными эманациями фумарольных газов коварно – дремлющего в штате Вайоминг йеллоустонского супервулкана.

-Желтый Китай, желтый вулкан, желтый металл. Да, Гермес Трисмегист может об этом и хотел сообщить в своей изумрудной скрижали, а мы его и не поняли. Да и золото не случайно попёрло в гору. Вот и у нас сменился лидер среди самых богатых олигархов. Те, кто вовремя раскупили золотые унитазы, наверняка, радуются выше крыши. А может и правильно намекали битлы, распевая про жёлтую подводную лодку. Может всё же надо успеть добежать до китайской, а вовсе не канадской границы?

Опаськин отвлекся от своих мыслей, обратившись к пришельцу.

–Ну, будем знакомиться. – Ильич,– кивнул незнакомцу Владимир.

–Павка,– кивнул в ответ незнакомец.

–Слышь, Ильич – закурить – то, дай. Такое ощущение, что сто лет не курил.

–На, говорят, от коронавируса очень даже защищает.

Опаськин достал из кармана зажигалку и пачку сигарет «Феникс» и протянул Павке.

–А чего это такое, – удивленно крутя в руках зажигалку, спросил Павка, – Да и табачок то, какой – то странный – штука какая – то жёлтая на конце, да бумага не газетная – буржуазные штучки, что ли?

–Сам ты буржуазный. Кончай прикалываться – самые дешёвые сигареты, наверно белорусские – а значит качественные, привет от Батки.

–Что значит – прикалываться? Прикалывают штыком, а я его где – то оставил, чёрт побери, как раз пригодился бы для батки Махно.

–Больной, наверно, не иначе весеннее обострение, – опасно подумал Опаськин -Раздвоение личности, неадекватное восприятие окружающей действительности, дефицит ингибитора обратного захвата серотонина, нехватка галоперидола деканоата или клопиксола акуфаза, живой экспонат по Фрейду. Да и штык еще, хорошо, он где – то оставил. Так не ровен час, зарежет еще. Говорил мне отец – не пей с незнакомцами, сынок! Пора утекать, как мерзко и метко пел Мумий Троль! Может это маньяк – ла-ла-лу-лай-ла-лу-лай, порежет меня на меха – хахаха! Вышел месяц из тумана, вы-

нул ножик из кармана, буду резать, буду бить. С незнакомцами – не пить... Не, надо, пожалуй, делать ноги...

– Ну, я наверно, пойду, а Павка?

– Не, ты постой, а, Ильич – покажи, как мне эту дивную папироску – то закурить?

– Ты чего, действительно, сигарету с зажигалкой, первый раз в руках держишь? Что ты как шведская девушка, которая играла с огнём? Привык кремнём по сапогам, пока они у тебя были, чиркать?

– Да вот тебе крест, во всё пузо, не знаю что это такое. Правду тебе говорю, товарищ Ильич!

– Ну и чудной же ты парень. На, держи. – Опаськин прикурил сигарету и дал Павке.

Павка закрыл глаза и затянулся с видимым удовольствием.

– А, махорочка – то у тебя знатная, Ильич. У нэпманов, наверно, торговал?

– Да вон в ларьке за углом, у каких еще нэпманов. Нэпманы после революции, при НЭПе были. А у нас сейчас контрреволюция, понял?

– Ты революцию не трогай. Да мы за нее пасть порвём, моргалы выколем, – заморгал этими самыми моргалами Павка. – Вот этой самой мускулистой рукой гегемона.

– А ты, святой отец, оказывается – идейный, засмеялся Владимир. – Знаем, знаем мы эти завиральные идеи – беспо-

лезные попытки прыгнуть из курятника в хрустальный дворец. Смотри – ка, какой революционер нашёлся – гамсуновский посланец от соков земли, выходец из прошлого, прообраз будущего, однако, – глядя на руки – спички Павки, задумался Опаськин, – прямо дистрофичный длинногрязноволосый Самсон – рыцарь революции – железный Феликс.

– Да были и рыцари – но..., – тут Опаськину вспомнилось ключевая фраза из «Ключа» Алданова: «Несчастье революций именно в том и заключается, что к власти рано или поздно приходят люди третьего сорта, с успехом выдавая себя за первосортных».

– Рыцарей, да и царей, не стало. Ну-ну, как говорили древние африканцы: «Я – за демократию, я сделаю твоих врагов скамьей под твоими ногами». Пока в роли скамьи, однако, выступает народ, а третьесортные всю рулят...

Все причины русской революции очень чётко и кратко, по – мнению Ильича, осветил Розанов: «победный исход этого восстания, которого все мы – грустные свидетели. Нужда, гнетущее горе, боль несогретых членов и голодного желудка заглушит искру божественного в человеческой душе, и он отвернется от всего святого и преклонится, как перед новой святынею, перед грубым и даже низким, но кормящим и согревающим. Он осмеет как ненужных людей, прежних своих праведников и преклонится перед новыми праведниками, станет составлять из них новые календари святых и чтить день их рождения, как благодетелей человечества».

Пандемия коронавируса очень даже могла быть и к месту. Да и Зощенко об этом же писал – о чём пел соловей – жрать хотел, вот и пел. С голодухи не так запоёшь и заскачешь и заплачешь как дитя. Хотя, может и прав Бердяев в «истоках и смысле русского коммунизма» – Революция иррациональна, смысл революции есть внутренний апокалипсис истории....В нашем греховном злом мире оказывается невозможным непрерывное поступательное развитие. В нём всегда накапливается много зла, много ядов, в нём всегда происходят и процессы разложения.

Это, кстати, показало недавнее массовое отравление морских гадов на Камчатке – накопились какие то яды, возможно фенол.

Кстати, ещё Гоголь заметил, что Россия одержима духами зла и лжи, что она полна рож и харь, и трудно в ней найти человека. Вот и происходит революция – а дальше рождается новая бюрократия, новый привилегированный класс, жестоко эксплуатирующий народные массы. Воля к власти становится самодавлеющей и за неё борются как за цель, а не за средство. Опаськин горько улыбнулся.

–Ты чего лыбишься, товарищ? Забыл, чего вождь говорил?

–Это Дмитрий, что ли? Да помню, – продолжал горько улыбаться Опаськин. – Типа денег нет, но вы держитесь. Уважил народ, уважил. С деньгами то и дурак держаться может. А вот без денег – только наш народ – мудрец.

–Какой еще Дмитрий? Да ты не из монархистов ли, контра? Белая армия черных ворон? Снова царский трон- гнида контрреволюционная? Разговор у меня будет короткий – в морду – в ЧК – потом к стенке.

–Ээ, полегче на поворотах, гражданин Павел. Поменьше революционных фраз! Интеллигент не должен дудеть музыку революции, как метко заметил Умберто Эко. А я все же отношу себя к интеллигенции – кстати, слово впервые применено прекрасным нижегородским писателем, в юности, надо заметить, химиком Петром Боборыкиным. Про Василия Теркина он, кстати, первый написал, а вовсе не Твардовский. Ты, Паша, всё же, может травки какой с мухоморами обкурился или фильмов каких по телику нагляделся ... Нако, лучше махни 50 грамм. Как в Вакханках: «Кто доволен дарами мгновения – тот и счастлив».

– Давай только по чутку,– призвал Ильич,– вспомни классика Фукидида – вино прекрасно, но пить надо в меру. Авось немного остынешь. Или, наоборот, в душе согреешься малёхо. Да ты не бойся, не аяхуяска какая – nibудь или французская винодрянь, стабилизированная для потравы россиян, почище Новичка, сернистым ангидридом, или отрава Венечки – слеза комсомолки в сочетании с мозольной жидкостью – нет, тут у нас чистый алкоголь. В старину говорили – Очи-щенная!-во! Очи раскрывало у предков, видимо. «Очи черные, очи жгучие, усы длинные и колючие».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.